

АХ! БЕСМЫСЛЕННОСТЬ ВСЕГДА ГДЕ ДЕЙСТВУЕТ – ЕСТЬ, ИЛИ ВОСІАН, НІРОРОТАМ, WRÓBEL, GRZYB – К ВОПРОСУ ОБ АЛФАВИТЕ ПЕРЕВОДЧИКА В НЕАЛФАВИТНОМ ПОДХОДЕ

EDYTA MANASTERSKA-WIĄSEK
Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie

*АХ! БЕСМЫСЛЕННОСТЬ ВСЕГДА ГДЕ ДЕЙСТВУЕТ – ЕСТЬ, OR STORK, HIPPO-
POTAMUS, SPARROW, MUSHROOM – ON THE TRANSLATOR’S ALPHABET IN THE
NON-ALPHABETICAL APPROACH.* The aim of the article is to analyse the Polish translation of S. Marshak’s poem for children *Веселая азбука про все на свете*. The source text is rhymed and reveals the author’s travel through consecutive letters of the Russian alphabet. This already puts the translator in a difficult position since the Polish alphabet differs from the Russian one. The greatest problem, however, turns out to be not the disruption of the order of the alphabet, but failure to adhere to the artistic shape of the work. The translation is de-rhythmical, often unrhymed, and its literal translation results in making the poem nonsensical in some stanzas without sticking to the rhyme.

Keywords: Samuil Marshak, Russian-Polish translation, children’s literature.

Вопрос о непереводаемости всё время является объектом научных исследований и вызывает интерес ученых. Непереводаемость – это спорное и неоднозначное явление. Наряду с этим, благодаря разным переводческим приемам бывает, что художественные произведения хорошо функционируют в культуре перевода, даже не удовлетворяя критерию эквивалентности подлинника¹.

Бессмысленный заголовок этой статьи ставит перед собой две цели: обратить внимание читателя на большие буквы в странном, неалфавитном порядке, и привлечь внимание своей нелепостью. Перевод такого предложения, конечно, возможен, но в зависимости от того, что положить в основу, перевод будет поддержкой системы

1 О безэквивалентной лексике см. Верещагин – Костомаров 1990: 42.

русского алфавита – или алфавита другого языка, например польского. Поддержать бессмыслицу не так сложно. А если форма текста сложнее, смысл тесно связан с манерой произведения, и к тому же реципиент – это ребенок?

Перечисленные нами возможные трудности были неизбежными в процессе передачи стихотворения для детей Самуила Маршака *Веселая азбука про все на свете*. Исследуя его перевод, опубликованный на общедоступном интернет-сайте po-rosyjsku.pl – Wiedza o języku i kulturze gosijskiej можно прийти к выводу, что эти трудности не ‘были’, а должны быть неизбежными, ибо переводчики действовали как бы вне этих проблем. Чтобы лучше понять проблему с *безпроблемным* переводом, следует процитировать оба текста: С. Маршака и Божены Нгуен и Анны Нгуен:

САМУИЛ МАРШАК *ВЕСЁЛАЯ АЗБУКА ПРО ВСЁ НА СВЕТЕ*
(*WESOŁY ALFABET O WSZYSTKIM NA ŚWIECIE*)²

Аист с нами прожил лето,
А зимой гостил он где-то.

Bocian spędził z nami lato,
A gdzie zimę przeżył za to?

Бегемот разинул рот:
Будки просит бегемот.

Hipopotam pysk otwiera
I o bułkę prosi teraz.

Воробей просил ворону
Вызвать волка к телефону.

Wróbel poprosił wronę,
By przywołała wilka do telefonu.

Гриб растёт среди дорожки,
Голова на тонкой ножке.

Rośnie grzyb na dróżce,
Kapelusz na cienkiej nóżce.

Дятел жил в дупле пустом,
Дуб долбил, как долотом.

W pustej dziupli mieszkał dzięcioł,
I jak dłutem dębu pień ciął.

Ель на ёжика похожа:
Ёж в иголках, ёлка – тоже.

Świerk w dotyku jest jak jeż:
Jeż igielki ma, świerk – też.

Жук упал и встать не может,

Upadł żuk i wstać nie może.

Ждёт он, кто ему поможет.

Czeka, aż mu ktoś pomoże.

² <<http://po-rosyjsku.pl/wesoly-alfabet-o-wszystkim-na-swiecie-samuel-marszak-wiersze-dla-dzieci/>> (dostęp: 24.09.2017).

Звёзды видели мы днём
За рекою, над Кремлём.

Иней лёг на ветви ели,
Иглы за ночь победели.

Кот ловил мышей и крыс,
Кролик лист капустный грыз.

Лодки по морю плывут,
Люди вёслами гребут.

Мёд в лесу медведь нашёл –
Мало мёду, много пчёл.

Носорог бодает рогом.
Не шутите с носорогом!

Ослик был сегодня зол:
Он узнал, что он осёл.

Панцирь носит черепаха,
Прячет голову от страха.

Роет землю серый крот-
Разоряет огород.

Спит спокойно старый слон,
Стоя спать умеет он.

Таракан живёт за печкой,
То-то тёплое местечко.

Ученик учил уроки-
У него в чернилах щёки.

Флот плывёт к родной земле,
Флаг на каждом корабле.

Ходит по лесу хорёк,
Хищный маленький зверёк.

Widzieliśmy gwiazdy
Za rzeką, na wieżach Kremla.

*Gałęzie świerku pokrył szronu kocyk,
Aż pobiełały igły podczas nocy.*

Łapał kot myszy i szczury,
Liść kapusty chrupał królik.

Łódki po morzu się snują,
Ludzie wiosłami wiosłują.

Niedźwiedź znalazł w lesie miód –
Mało miodu, a pszczół w bród.

Nosorożec bodzie rogiem,
Kto z nim zadrze, temu – z Bogiem!

Osiółek dziś był nie w sosie;
Dowiedział się, że z niego...osioł!

Żółw ma pancerz, zamiast swetra,
W nim się chowa, gdy ma pietra.

*Szary kret ogródek ryje,
Zakopany aż po szyję.*

Śpi spokojnie stary słoń,
Stojąc spać potrafi on.

Karaluch mieszka za piecem-
To jest jego ciepłe miejsce.

Uczeń odrabiał lekcje –
Ma policzki całe w atramencie.

Flota płynie do kraju ojczystego.
Na każdym statku powiewa flaga.

Po lesie chodzi tchórzątko,
Małe drapieżne zwierzątko.

Цапля <u>ва</u> жная, нос <u>а</u> тая, Целый день <u>сто</u> ит, как <u>ста</u> туя.	Czapla <u>wa</u> żna i dziobata Stoi cały dzień , jak statua.
Часов <u>щи</u> к, при <u>щу</u> рив глаз, Ч <u>и</u> нит <u>ча</u> сики для нас.	Zegarmistrz, mrużąc oko, Naprawia nasze zegarki.
<u>Ш</u> кольник, <u>ш</u> кольник, ты си <u>ла</u> ч: Шар зем <u>но</u> й несёшь, как мяч.	Uczniu, ty jesteś siłaczem: Niesiesz kulę ziemską, jak piłkę.
Щёткой <u>чи</u> щу я щен <u>ка</u> , Ще <u>кочу</u> <u>ему</u> бо <u>ка</u> .	Czyszczę szczotką szczeniaczka, Łaskoczę go po boczka.
Эта <u>кно</u> пка и шнур <u>ок</u> – Э <u>лек</u> три <u>чес</u> кий <u>звон</u> ок.	Ten guziczek i sznureczek – To elektryczny dzwoneczek.
<u>Ю</u> нга – <u>бу</u> дущий матрос	Chłopiec okrętowy – przyszły marynarz
<u>Я</u> год пет кис <u>лее</u> <u>к</u> лю <u>к</u> вы. Я на <u>па</u> мять <u>зна</u> ю <u>бу</u> к <u>вы</u> .	Nie ma jagód kwaśniejszych niż żurawiny. Znam już wszystkie litery na pamięć.

Для того, чтобы читатель настоящей статьи мог представить себя на месте читателя перевода, почувствовать с каким «произведением» сталкивается польский ребенок (это ведь имплицированный читатель) – мы привели тексты полностью. Авторы интернет-сайта ro-gosyjsku.pl позаботились о реципиенте, обозначая ударение, выделяя красным цветом и большими буквами очередные буквы алфавита. Кажется, однако, что важнейшим элементом этой заботы является перевод. Неужели?

К ВОПРОСУ О ФОРМЕ

Передача формы стихотворения Михалкова оказалась для переводчика – в объективном смысле – существенным препятствием. Последовательность, качество и количество букв в русском и польском алфавитах не одинаковые, и в зависимости от того, что переводчик хочет донести до читателя, форма текста может поддерживаться или меняться. Мы считаем, что можно согласиться с идеей перенесения русского алфавита в текст перевода. Это ведь колорит русской культуры, а использование подобной игры с учетом букв польского алфавита привело бы к потере специфической окраски. Но вместе с таким замыслом появляются и первые настоящие трудности: как перевести алфавит, который передается в стихотворении словами, начинающимися с очередных букв, если им не соответствуют те же буквы и те же ключевые

слова-эквиваленты в языке перевода? Использование польского алфавита привело бы не к переводу, а к пересказу (хотя это в рамках описанной переводческой сложности одно из допустимых решений). Конечно, следует заметить, что ребенок – по сравнению со взрослым читателем (имлицированный не означает ведь единственный) теряет меньше – он не вполне может понимать, что такое алфавит, и для него это просто детский стих. И на этой проблеме сосредоточимся³.

К ВОПРОСУ О ДОСЛОВНОСТИ

Правда ли, что в художественном переводе нет места для буквальности?⁴ Такое суждение отрицало бы роль и влияние исследователей перевода на переводческую практику, а также не учитывало бы того, что точно дословный перевод является основой для порождения любого перевода, в том числе и художественного. Иногда дословный перевод совмещает смысловую, лексическую и даже грамматическую эквивалентность и тогда он не требует никаких изменений и дополнений. Тем не менее, в связи с тем, что в художественном переводе важнейшим является сохранение стиля автора и отличительных черт самого произведения, которые должны вызывать у адресатов перевода похожие впечатления как оригинал у своих читателей, далеко не всегда дословный перевод является достаточным (Шимчик-Козачко 2012: 115).

Подтверждение этих слов легко найти в исследуемом переводе. А это, бывает, удачные решения:

Бегемот разинул рот: Булки просит бегемот.	Hipopotam pysk otwiera I o bułkę prosi teraz.
Жук упал и встать не может, Ждёт он, кто ему поможет.	Upadł żuk i wstać nie może. Czeka, aż mu ktoś pomoże.
Ель на ёжика похожа: Ёж в иголках, ёлка – тоже.	Świerk w dotyku jest jak jeż: Jeż igielki ma, świerk – też.

³ Что подлежит переводу см. Lewicki 2017: 75-106.

⁴ О буквальности в переводе см. Hejwowski 2004: 24-37, Bednarczyk 2016: 74-79.

Но и решения, непонятные с точки зрения перевода художественного текста:

Флот плывёт к родной земле, Флаг на каждом корабле.	Flota płynie do kraju ojczystego. <i>Na każdym statku powiewa flaga.</i>
Цапля важная, носатая, Целый день стоит, как статуя.	Czapla ważna i dziobata <i>Stoi cały dzień, jak statua.</i>
Звёзды видели мы днём За рекою, над Кремлём.	Widzieliśmy gwiazdy <i>Za rzeką, na wieżach Kremla.</i>

Почему критикуем такие *переводы*? В начале своего стихотворения переводчики рифмуют строки и тем самым как бы предупреждают, с какой формой столкнется реципиент. Следующие буквальные переводы – неожиданно без рифмы – шокируют и ни в коем случае не соответствуют стандарту поэзии. Действительный перевод переплетается с дословным отражением смысла, что приводит к поражению целого *стихотворения* и неизбежному ощущению случайности переводческих приемов.

Подобному неприятному ощущению способствует и особенное осознание ритма у переводчиков.

К ВОПРОСУ О РИТМЕ

Определенный и последовательный порядок чередования ударных и безударных слогов делает возможным построить приятно звучащее – особенно для ребенка – стихотворение. Это, как оказалось, составило проблему для авторов исследуемого перевода. Правда, часть стихов звучит ритмически:

Мёд в лесу медведь нашёл – Мало мёду, много пчёл.	Niedźwiedź znalazł w lesie miód – <i>Mało miodu, a pszczoł w bród.</i>
Носорог бодает рогом. Не шутите с носорогом!	Nosorożec bodzie rogiem, <i>Kto z nim zadrze, temu – z Bogiem!</i>

Но если в соседстве этих строк реципиент услышит такое:

Школьник, школьник, ты силач:	<i>Uczniu, ty jesteś siłaczem:</i>
Шар земной несёшь, как мяч.	<i>Niesiesz kulę ziemską, jak piłkę.</i>
Щёткой чищу я щенка,	<i>Czyszczę szczotką szczeniaczka,</i>
Щекочу ему бока.	<i>Łaskoczę go po boczках.</i>
Гриб растёт среди дорожки,	<i>Rośnie grzyb na drodze,</i>
Голова на тонкой ножке.	<i>Kapelusz na cienkiej nóżce.</i>

вся идея ритмического стихотворения, к сожалению, падает.

Есть в русской литературе художественные произведения, которые построены только на основании ритма – без учета рифмы. Примером послужит хотя бы стихотворение С. Михалкова «Одна рифма». Приведем его отрывок:

Шел трамвай десятый номер
По бульварному кольцу.
В нем сидело и стояло
Сто пятнадцать человек.

Люди входят и выходят,
Продвигаются вперед.
Пионеру Николаю
Ехать очень хорошо.

Поэт пользуется ритмом настолько мастерски, что читатель почти не чувствует отсутствия рифмы. Тем более – бессистемное построение большей части исследуемого в настоящей статье текста на основании случайного ритма трудно оправдать. Текст звучит как плохая шутка, заставляет читателя искать способ правильного его чтения. Перестановка ударений, к которой принуждает ритм большинства строк, делает мелодию языка неправильной, искусственной и наоборот – употребление безошибочных ударений препятствует ритму, нарушает языковую норму, а некоторые строки звучат, как будто были написаны прозой.

В некоторых фрагментах перевода даже трудно поверить, что переводчики не заметили, что другой порядок – перестановка только двух слов – уже не меняет ударения:

Лодки по морю плывут,
Люди вёслами гребут.

Łódki po morzu się snują,
Ludzie wiosłami wiosłują.

Łódki się po morzu snują позволяет на парокситоническое ударение вместо окситонического *po morzu*. В свою очередь, в следующей строке *wiosłami* все-таки портит бы впечатление правильности.

Это не единственный пример плохого решения переводчиков. Обратимся к примерам, в которых форма – из-за беспечности переводчиков – искажена:

Кот ловил мышей и крыс,
Кролик лист капустный грыз.

Łapał kot myszy i szczury,
Liść kapusty chrupał królik.

Таракан живёт за печкой,
То-тотёпломестечко.

Karaluch mieszka za piecem-
To jest jego ciepłe miejsce.

Ритм принуждает читателя перевода к переносу ударения с предпоследнего слога на последний: *mysz* – *mysz*, *karaluch mieszka* – *karaluch mieszka*, что приводит к ненормативному произношению, а это ведь не единственные примеры таких ошибок.

Количество слогов в строках Маршака меняется, но поэт балансирует между семью и восьмью слогами, в то время как в переводе оно довольно разнообразно: варьирует непоследовательно – от шести до двенадцати слогов. Это свидетельствует о том, что переводчики, пожалуй, не придают этому должного значения.

К ВОПРОСУ О РИФМЕ

Рифма – это почти обязательное средство в поэзии для детей. Молодым читателям близка форма созвучия пар слов – им нравятся стихотворения, использующие рифму. Такие произведения приятны для слуха и легко воспринимаются. Вильгельм М. Вундт, основатель экспериментальной психологии, еще в начале XX века писал, что *ближайшая причина эстетического удовольствия состоит в той лёгкости, с которой предмет нашего восприятия подводится под готовые в нашем уме формы времени и пространства*⁵. Рифмы, хотя бы неточные, звучат. Нет причины, по которой переводчик мог бы не обращать на них внимания или должен был бы их

5 <<http://www.stihi.ru/diary/gromoll/2012-04-03>> (доступ: 2.11.2017).

игнорировать. А какой прием использовали переводчики *Веселой азбуки...*? Приведем примеры:

Ученик учил уроки-
У него в чернилах щёки.

Uczeń odrabiał lekcje –
Ma policzki całe w atramencie.

Школьник, школьник, ты силач:
Шар земной несёшь, как мяч.

Uczniu, ty jesteś siłaczem:
Niesiesz kulę ziemską, jak piłkę.

Юнга – будущий матрос
Южных рыбок нам привёз.

Chłopiec okrętowy – przyszły marynarz
Przywiózł nam rybek z mórz południowych.

Часовщик, прищурился глаз,
Чинит часики для нас.

Zegarmistrz, mrużąc oko,
Naprawia nasze zegarki.

Эти отрывки звучат как *паразиты* в стихотворении. В близости с рифмами производят неприятное впечатление, и даже приводят в изумление. Следует подчеркнуть, что текст Маршака написан мастерски – перевод же выполнен так, что перед читателем предстаёт совершенно другое стихотворение.

А если текст не звучит как поэзия, как оправдать такие приемы переводчиков, из-за которых теряется смысл?

К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ СМЫСЛА

В оригинале и в переводе каждые две строки рассказывают какую-то коротенькую историю. Они меняются с каждой буквой алфавита и именно это объясняет целый художественный прием. *Wesoły alfabet o wszystkim na świecie* – это своего рода показ буквального перевода. Кроме смысла теряется все. Ценой художественности и поэтичности текста его авторы передают читателю очередные значения, содержащиеся в оригинале. В результате полностью утрачивается творческий замысел, получается ни стихосложение, ни проза, а читатель теряет возможность почувствовать поэзию. Это для него неизбежно.

Правда, следует отметить, что исследуемое произведение предназначено для детей, в связи с чем рифмы несложные, но текст развлекает и формой, и мастерски сопряжённым с ней содержанием. Само содержание с «потрепанной» формой тут ни причем, особенно в финальных строках:

Ягод пет кислее клюквы.
Я на память знаю буквы.

Nie ma jagód kwaśniejszych niż żurawiny.
Znam już wszystkie litery na pamięć.

Смысл стихотворения – это не только смысл отдельных лексем, более того – это не только смысл словосочетаний и фраз, даже не целых предложений. В выше-приведенном отрывке подлинника нет логической связи между кислыми клюквами и алфавитом. Зато чувствуется связь формы – рифмы, ритма. В переводе нет никакой связи между этими элементами – ни логической, ни творческой. Единственная, которая приходит в голову – это связь алогическая. Вряд ли это имели в виду переводчики. По-видимому, они не заметили основополагающего фактора в стихотворении Маршака – поэтичности и юмора в одном произведении.

Корней Чуковский отмечает, что *перевод – это автопортрет переводчика. В том-то и дело, что от художественного перевода мы требуем, чтобы он воспроизвел перед нами не только образы и мысли переводимого автора, но только его сюжетные схемы, но и его литературную манеру, его творческую личнoчть, его стиль. Если эта задача не выполнена, перевод никуда не годится. Это клевета на писателя, которая тем отвратительнее, что автор почти никогда не имеет возможности опровергнуть ее* (Чуковский 2016: 21). Исследуемый польский перевод, к сожалению, полностью соответствует сказанным выше словам.

Подводя итог, вернёмся к началу статьи – к проблеме непереводимости. Надо подумать, стоит ли переводить, во что бы то ни стало, каждый текст – особенно для такого исключительного читателя, каким является ребенок.

И самое важное – и еще одна связь – или, скорее, ее отсутствие: это несоответствие содержания заголовку: где в переводе находится весёлая азбука? *Wosian hipopotam wróbel grzyb*. Алфавитный порядок в переводе, кажется, не получился. Он действительно *веселый*, но не позволяет читателю понять, в чем состоит идея стихотворения. Такой приём, как мы сказали, возможен. Но алфавит – здесь не самое важное. Не получилось и художественной формы. И это, в конечном итоге, самое грустное наблюдение.

BIBLIOGRAFIA

- Bednarczyk 2016:** Bednarczyk A., *Zmagania z przekładem w przestrzeni rosyjskojęzycznej. Teoria i praktyka w ewolucji*, Gdańsk 2016.
- Hejwowski 2004:** Hejwowski K., *Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu*, Warszawa 2004.
- Lewicki 2017:** Lewicki R., *Zagadnienia lingwistyki przekładu*, Lublin 2017.
- Верещагин – Костомаров 1990:** Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., *Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*, Москва 1990.
- Чуковский 2016:** Чуковский К., *Высокое искусство*, Санкт-Петербург 2016.
- Шимчик-Козачко 2012:** Шимчик-Козачко Р., Передача англоязычных форм прошедшего времени в русском и польском языках (на материале переводов романа Дж.Р.Р. Толкина *Хоббит*). – *Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego*, Nr 2 (3), Wrocław 2012, 113–130.